

Title: НА ПУТИ «ИЗ РЕЧИ В ЯЗЫК» (РЕДУЦИРОВАННЫЕ ФОРМЫ РУССКОЙ РЕЧИ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА; лингводидактический аспект)
Author: Natalia Bogdanova, University of St. Petersburg

Одним из актуальных и активно развивающихся направлений современной лингвистики, напрямую связанным с преподаванием русского языка в иноязычной аудитории, является сбор и систематизация живого речевого материала. Для русского языка главной базой таких лингвистических данных в настоящее время можно считать Национальный корпус как «информационно-справочную систему, основанную на собрании текстов в электронной форме» (см.: <http://www.ruscorpora.ru/>). Анализ материалов этого Корпуса (равно, впрочем, как и текстов за его пределами) позволяет наблюдать, а затем и учитывать в ходе преподавания, многие любопытные процессы, происходящие в нашем языке, а зачастую и проследить их в историческом развитии. Одним из таких процессов является пополнение русского лексикона за счет усеченных, редуцированных, речевых форм, появляющихся вследствие действия закона экономии речевых усилий – главной движущей силы языковой эволюции. Когда-то так вошли в русский язык слова типа *спасибо, пожалуйста, ведь, почти, мол, дескать* и т. п., сегодня на этом пути «из речи в язык» находятся формы *здрасьте, тыща, щас, скоко, рупь, жись* и многие-многие др. Первое впечатление об этих формах таково, что они являются чисто речевым образованием и целиком лежат в лоне устной речи. Именно на этом основании на определенном этапе овладения русским языком с ними целесообразно знакомить иноязычных учащихся – чтобы эти формы не мешали восприятию русской речи и давали некоторое представление о границах допустимой речевой вариативности.

Однако обращение к материалам Национального корпуса открывает новую сторону жизни в языке данных форм: оказалось, они давно и весьма основательно заняли свое место не только в устной, но и в письменной форме языка, существуют там порой в нескольких своих графико-фонетических обликах и предполагают, что читатель без труда опознает в них знакомые – как правило, сверхчастотные – русские слова. Более того, оказалось, что первые такие письменные свидетельства обнаруживаются отнюдь не в литературе последнего времени, ср.: *Только рази могла Козлиха сыновей моих ворами и разбойниками, а меня жидом и иудой ругать?* [А. И. Левитов. Расправа (1862)]; *Ну, он и рассказывает: приехали, grit, в «Дрезден» два господина, не то, чтобы настоящие господа, да и к купцу нельзя применить* [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Клад (1889)]; *О насильственном поступке, который вы нам предложили: так вот это намерение исходило, как кается, не от нас, а от вас!* [А. Белый. Петербург (1913-1914)]; *Тут никуда не уйдешь, коли во все стороны песок один тыщами верст рассыпается* [Д. А. Фурманов. Чапаев (1923)]. Видно, что процесс этот начался, как минимум, 150 лет назад и активно продолжается на наших глазах. Так, формы *чѐ* и *чо (что)* представлены в Корпусе почти 2500 контекстами в 655 документах; 5 редуцированных форм наречия *сейчас (сичас, сечас, счас, щас и ца)* – это почти 1500 контекстов в 522 документах; форма *оч (очень)* – 251 контекст в 124 документах. Конечно, все эти примеры – из речи персонажей художественных произведений или стилизованной под разговорную речь автора, конечно, часть этого материала, особенно современного, попала в Корпус с электронных сайтов Интернета, то есть представляет собой письменную русскую речь новой формации (что представляет самостоятельный интерес в лингводидактическом аспекте), однако и доля обычных письменных текстов в Корпусе необычайно велика и, безусловно, требует от читателя, в том числе иноязычного, готовности воспринять подобные формы зрительно и правильно соотнести их с соответствующими полными. Важно отметить, что в число таких редуцированных форм, получивших свое письменное представление в русскоязычных текстах, попадают не только служебные части речи (*то ись, токо, када, эт, ваще, -нить*), но и вполне знаменательные слова, ничуть не утратившие своего лексического значения и потерявшие «идеальный фонетический облик» исключительно в силу своей сверхчастотности в речи (*чек, вашескорodie, grit, тили, следующий, зесь, низя, прально, мя, тя, те*).

Своеобразным «крайним» проявлением этой тенденции можно считать появление в письменном виде полностью или в значительной степени фонетизированных контекстов, ср.: *Слуш, дружочк, тут сичас к тебе подскоcht адин чилавек ат миня, ты уж ево прими, поговори с ним, ладна?* [В. Рецептер. Узлов, или Обращение к Казанове (1993)]. Ясно, что читать такой текст в иностранной аудитории можно только с соответствующим комментарием преподавателя.

Можно выделить и ряд особенностей функционирования редуцированных форм в письменных текстах, свидетельствующих об их освоении языком именно в таком, фонетизированном, виде, ср.: *Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу!* [М. Горький. На дне (1902)] (форма *вашество* уже содержит в своем составе местоимение *ваше* – *ваше величество*, – однако в данном контексте присоединяет его еще раз); *Желаем 'щастья' и 'счастья'* [Т. Савельева. В Италию - с чистой совестью // Столица, 1997.07.01]; *Сам Жора написал где-то к тридцати годам десять рассказов. И с тех пор переиздал их десять тысяч раз, по-разному компоуя и подчас переименовая (так, «Жизнь» превратилась в «Жысь»)* [В. Топоров: Большая жратва Жоры Жирняго (<http://www.vz.ru/columns/2008/6/14/177259.html>. 14 июня 2008)] (фонетизированные формы явно приобретают некое самостоятельное значение, отличное от значения полных, контекстуальными антонимами которых они здесь выступают). В ряде случаев примеры свидетельствуют, что процесс становления письменного варианта фиксации того или иного слова или выражения еще не закончен и отражают различные его этапы: *Вот, держи. И побыстрей, Сань, если можно. – Бу здэ...* [В. Сорокин. Норма (1999)]; *Иди и возвращайся с победой. – Бу zde...* [В. Сорокин. Тридцатая любовь Марины. Очередь (2000)]; *Ну, а как монолог «Быть или не быть» будет сде* [В. Смехов. Театр моей памяти (2001)]. Порой эти этапы становления нового письменного облика слова растягиваются более чем на целое столетие, ср.: *Все это от него, от мужа-варвара, да от злодейки Опарихи жизнь такая* [Ф. М. Решетников. Тетушка Опарина (1868)]; *И отчего у те болезнь?* [Там же] (XIX в., фиксация только выпадения согласного в конце слова); *Она всю жись и так одна прожила* [В. Шукшин. В профиль и анфас (1970)]; *Вода скатится - болесь свалится!* [И. Шмелев. Лето Господне (1927-1944)] (XX в., добавляется фиксация глухого согласного в финали). Среди примеров на редуцированную форму наречия *очень* в Национальном корпусе русского языка довольно много таких, где она пишется с точкой, в виде графического сокращения (*оч.*), что также можно расценить как своеобразный промежуточный этап на пути от *очень* к *оч.*: *Вот вы, чесслово, оч странные люди* [Слово редактора // Твой курс (приложение к «Аргументам и фактам»), 2004].

Материалы уже не Национального корпуса, а толковых и орфографических словарей русского языка дают возможность убедиться, что отмеченный путь многих редуцированных форм «из речи в язык» может закончиться их полной лексикализацией и получением лексикографического описания, ср.: *Вот те на! Вот те раз!* [С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1975, с. 93]; *Черт-те что* [Д. Н. Ушаков, С. Е. Крючков. Орфографический словарь. М., 2007, с. 248].

Думается, что не только в ходе лингвистического анализа русскоязычных текстов, но и в практике преподавания русского языка как иностранного полезно учитывать существование указанного процесса, который, вне всякого сомнения, будет расширяться и пополняться все новыми и новыми свидетельствами.